

По белому экрану металась шаманская кисточка, оставляя за собой четкий след. Молниеносно нарисовался расстрелянный человечек в пастушьей шляпе. Рисунок был ловок, скор, остроумен, а главное, родился сию минуту, прямо на глазах. Человечек на экране вертелся, крутился, подпрыгивал, дрыгал ножками, почесывался, потягивался, улыбался - волею одной лишь кисточки он жил...

Но сначала было вот что: тому несколько лет один молодой человек по имени Илья Эпельбаум заканчивал Строгановку. Он сочинял диалог о декорациях для кукольного театра, хаживал в имеющиеся в столице театры этого жанра и потихоньку осознала, что в говорящем безмолвии куклы, в странном ее жесте, в самой ее тени есть нечто завораживающее его как художника. А потом он кое-что изобрел... Впрочем, потом он встретил актрису Майю Краснопольскую и решил жениться... Нет, театр Майи и Ильи, который они назовут "Тень", тогда еще не возник, сначала появился зеленый чемодан. Он был огромен и тверд как сундук прабабки, и в нем вполне умещалось изобретение Ильи; изменчивые пейзажи, тени зверей и птиц, смешные человечки с ожившего детского рисунка, крупные и дальние планы как в кино, коротко говоря, - там лежали ножницы и кусок картона, банка с краской, кисточка, квадрат стекла, на котором можно рисовать, и небольшой экран, куда проецировался со стекла увеличенный рисунок.

Начались долгие странствия по московскому школам. Спектакль "Из чемодана" назывался "Волшебная дудочка", впрочем, не совсем и спектакль, скорее, - действо-импровизация, рисково-увлекательная игра со зрительным залом...

Давно известно, "из какого сора" порой рождалось стоящее аэши, - сказка про Пастуха, Короля и капризную Принцессу на глазах у изумленной публики получалась вроде бы вообще из ничего. Взорванная мысль о каких-то хитрых технических приспособлениях решительно никак не могла посетить голову сидящего в зале первокурсника, поскольку он был твердо уверен, что сам, собственной персоной, вот только сейчас все сочинил и нарисовал. До некоторой степени он

Летчик - 1991 -
№ 2 - 1.2

Елена ЛЕВИНСКАЯ ОН, ОНА И ЗЕЛЕНый ЧЕМОДАН

(к открытию в Москве нового театра для детей)

был прав: Майя, лишь чуть-чуть придерживаясь ниточки сюжета, немедленно включала в свой рассказ самые фантастические предложения из зала, а Илья, на миг высунавшись из-за экрана, чтобы уточнить какую-то деталь, тут же осуществлял их с помощью кисточки. Мчалась быстрая линия по белому пространству, убеждая счастливого первокурсника в том, что он очень здорово все придумал, да и рисовать не дурак. "Пусть обаянкой нарядится!" - советовали, хихикая, из третьего ряда - и у коварной Принцессы, пожелавшей остаться неузнанной, тотчас же выросстал длинный хвост и довольно-таки мерзкие уши - к очередному обвалу восторга всех присутствующих. В завязисности от энтузиазма публики спектакль мог длиться и полчаса, и час...

Нет, они еще не театр, но близко, близко... Когда надоело рисовать, реплики немного поиграть с огнем. Извительный язычок на кончике спички, сонное пламя свечи, холодная россыпь бенгальского огня - что все это такое? Куда манит? А если соединить стухию огня - с тенью?

Дома построили на обеденном столе декорацию, напротив устелили дочь и сын, - и в дрожавшем шорохе теней, в мистическом жароженном живого огня задышало и зашевелилось нечто потаенное, условно названное "Легенда о Тем-Лине, рыцаре из племени зельфов"... Ово действо минут двадцать и не предполагало публичных показов, однако замечался нечистый, как говорят в таких случаях, - и реше- было веати "Легенду..." в город Ярославль на фестиваль авангардного искусства.

В Ярославле во время репетиции вокруг них долго ходил местный пожарник, присматривался, принимался, потом уверенно сказал: "сгорит". После страстных уговоров, моления и заверения играть спектакль все же разрешил - и в полной мере наслаждался триумфом: действительно, сгорело. Во времена вспыхнула бенгальский огонь, полькнула легкая занавеска и весело запылава ася нехитрая настольная декорация. Жертв не было, но спектакль пришлось остановить.

Новая жизнь не замедлила, вслед за огнем пришло известие: райондел культуры изыскал помещение для устройства в нем театра - распишитесь в получении. А следом пожаловал добрый американский дядюшка, нет, не родственник, конечно, - обыкновенный коммерсант и продюсер, что делу тоже не помеха. Он, озираясь, бродил по лежащему в руинах бывшему ДЗЗу - драгоценно-бесценному их помещению, несколько раз споткнулся и кое-где испачкался, потом задумчиво смотрел "Волшебную дудочку", а вслед за тем, прихватив зеленый чемодан, повез их в свои Соединенные Штаты на международный детский фестиваль.

За океаном после каждого спектакля американцы приходили за кулисы, заглядывали в чемодан и, как и положено практичным людям, интересовались, есть ли патент, при этом очень удивлялись, узнав, что нету. Американский же дядюшка перед отправкой обратно в Союз ошастливил приличной суммой в валюте - на ремонт бывшего ДЗЗв.

Вот теперь уже совсем близко... В Москве бригада бравых ребят-строителей лихо крушила стены, рубила двери - пока не кончились доллары, естественно, - дальше, с помощью друзей, доделывали сами, благо, оставалось уже немного.

И вот оно - белое фойе, черный зал, воздух и простор, чистота и строгость, сами себе директор, сами себе худрук - вот оно, начало!

Опустив ресницы, воспоминание начало своей любви. То безумное мгновение жизни, когда все - сундук и трепет, но уже два дня, как поцеловались; когда уже знаешь, но еще не веришь; когда простой какой-нибудь ремешок от часов кажется священным предметом - вот что такое начало нового театра, тем более, театра столь высокой пробы. Все в нем сейчас дышит надеждой, блещет талантом, обещает, манит, завораживает. В самом воздухе разлиты десятки возможностей - театр теней? кукол? театр одного актера? семейный театр для родителей с детьми? домашний детский? Сейчас готовится "Царь-медведь" - и он совсем не похож на легкомысленную "Дудочку" с ее импровизациями и на глазах сотворенным рисунком - странная афанасьевская сказка, смутная в сюжете, с изысканностью заставших черно-белых картинок и огромной тенью картонного медведя, жутко двигающего пастью... Может быть, театр страшной сказки?

Миг начала, он окутан атмосферой многовариантности, определенности пока лишь одна - это непременно театр художника (не путать с Художественным), мастерового-творца, театр в буквальном смысле рукотворный. Что будет дальше? Останется ли их, как прежде, двое, или, как уже появилась нужда в билетерше-уборщице, понадобится еще и режиссер? Не уйдет ли в глухое эстетство Илья? Или, напротив, не сменит ли утонченную лаконичность умильнейший адоливо-матрешечный кити, ведь за аренду надо платить, и немало? Не захрипит ли голос Майи от диалогов с сотней крикунов, не пристанут ли к ней ухватки мавсковица-затейника? Никто не знает. Сейчас все это абсолютно не важно, важно лишь Начало - краткий миг между прошлым и будущим.

Е. Левинская
"Тень"